РОДИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЕЙНАГО ЧТЕНІЯ

№ 4. 23-го Января 1905 г. XXVII-й годъ изданія

Редакція, главная контора и отдѣленіе: С.-ПЕТЕРБУРГЪ: 1) Лиговская, соб. д., № 114. 2) Садовая ул., домъ № 20.

ИЗДАНІЕ А. А. КАСПАРИ.

Отдѣленіе главной конторы „РОДИНА": МОСКВА: Петровскія линіи, противъ гостиницы „Россія", магазинъ № 12.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДЪ: Безъ доставки въ С.-Петербургѣ 5 р. | Съ доставкой въ С.-Петербургѣ 5 р. 50 к. | Безъ доставки въ Москвѣ 5 р. 25 к. | Съ пересылкой по всей Россіи 6 р. | За границу 10 р.

Съ пересылкой по всей Россіи за 6 мѣсяцевъ 3 р., за 3 мѣсяца 1 р. 50 к., на 1 мѣсяцъ (безъ приложен.) 50 к.

Разсрочка допускается: при подпискѣ 2 р. 1-го марта—1 р., 1-го іюня—1 р., 1-го августа—1 р. и 1-го сентября—1 р.

ЛЮБЪ-ТРАВА.

Историко-бытовой романъ

графа Е. А. Саліаса.

(Продолженіе.)

МИНИЧЪ былъ однимъ изъ самыхъ большихъ искусниковъ всей Бѣлокаменной. Про Минича разсказывали, что онъ иногда пишетъ въ суды такія прошенія и съ такими показательствами, что судьи, сами хитроумцы, разводятъ руками, жмутся и только вздыхаютъ да приговариваютъ:

— Ну, Миничъ! ну, живчикъ! ну, піявка-же!

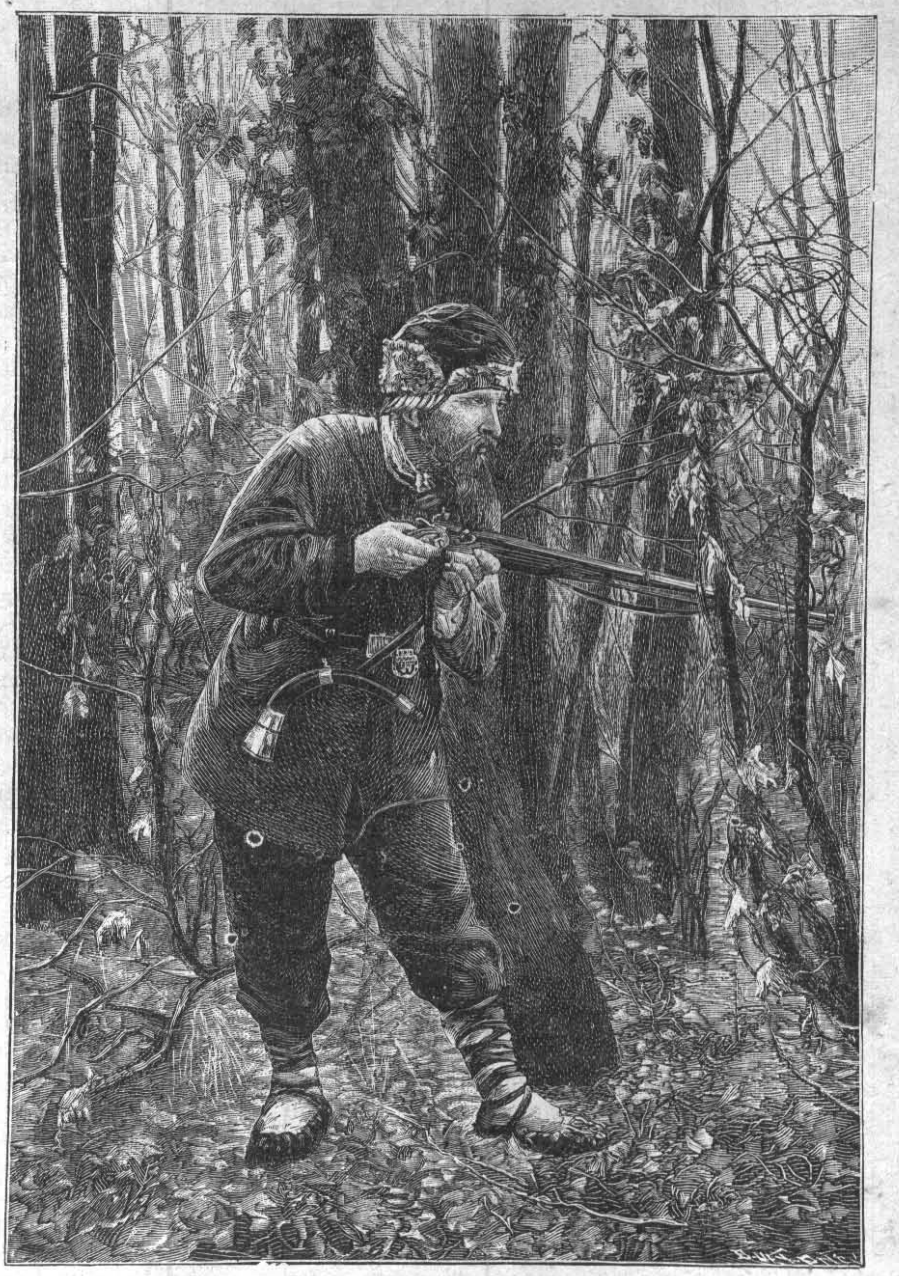
Самъ Миничъ часто говорилъ, что законы, это — въ нѣкоторомъ родѣ частоколъ высокій и плотный: перелѣзть черезъ него нельзя, насквозь пролѣзть тоже нельзя, ни одной щелки нѣтъ. Вотъ и надо этотъ частоколъ умѣть разбирать. А разберешь, пройдешь по ту сторону этого частокола спокойно.

Разумѣется, Миничъ зналъ всю Москву, и всѣ въ своихъ тяжбахъ всегда обращались къ нему. А по времени у кого ихъ только не было. Тягались всѣ. Были дворяне, которымъ не жилось безъ тяжбъ. Это было какъ-бы занятіе ихъ жизни, или развлеченіе. Были любители постоянно имѣть дѣло съ судомъ. Случалось, что когда кого-нибудь обзывали словомъ „сутяжникъ", то другіе объясняли: „Что-же, человѣкъ вдовый, бездѣтный, одинокій, надо-же чѣмъ-нибудь заняться!".

У князя Ягузинскаго никакихъ тяжбъ во всю жизнь не было, т. е., онъ не начиналъ дѣла. Но избавиться отъ такихъ лицъ, которыя сами начинали съ нимъ дѣло, было, конечно, немыслимо. И каждый разъ, какъ приходилось отдѣлываться отъ какого-нибудь сутяжника, онъ обращался къ Миничу.

Потому-ли, что онъ бывалъ всегда правъ, или потому, что Миничъ былъ мастеръ своего дѣла, но все всегда кончалось въ пользу князя.

На этотъ разъ, завидя пріѣхавшаго



ВЪ ОЖИДАНІИ ЗВѢРЯ. Съ картины **В. Казановскаго** гравир. для „Родины" **В. Цехомскій.**

Минича, князь вышелъ даже въ прихожую и на порогъ большой парадной лѣстницы.

— Иди, крапивное сѣмя,—закричалъ онъ,—ждемъ тебя въ кои вѣки.

Миничъ, медленно поднимаясь по широкой парадной лѣстницѣ, поднялъ голову, добродушно улыбнулся и выговорилъ:

— Опять нашли обидчика?

— Нѣту, совсѣмъ не то,—весело крикнулъ князь.— Да вотъ узнаешь. Дѣло либо хорошее, либо пустяковое. Вотъ, какъ ты посудишь.

Поднявшись наверхъ, Миничъ въ поясъ поклонился князю; князь потрепалъ его по плечу и повелъ за собой въ гостиную княгини.

Она была, какъ всегда, на своемъ мѣстѣ, въ креслѣ у окна, выходившаго въ садъ и на Москву-рѣку.

— Куда пропалъ? — встрѣтила она подъячаго. — Съ собаками тебя разыскивали.

— Простите, матушка-княгиня, наше дѣло такое. Нешто мы сидимъ дома? За мной вашъ посланецъ всю Москву исколесилъ, въ трехъ судахъ побывалъ. Спасибо, мы встрѣтились на улицѣ, а то раньше завтрашняго дня утра и не пришлось-бы мнѣ у васъ быть.

— Ну, садись, слушай, — выговорила княгиня.— Только ты слушай въ оба и, что выйдетъ непонятное, тотчасъ спрашивай. Ну, да, впрочемъ, умнаго учить—только портить. Ну, разсказывай ему толкомъ.

Князь, передавши содержаніе письма калужскаго дворянина, заявилъ:

— Ну, теперь прежде всего отвѣчай на мои опросы, а тамъ ужъ заговоришь, что пожелаешь. Первый опросъ будетъ: принимать-ли мнѣ самое это опекательство, или плюнуть.

— Какъ можно? что вы, ваше сіятельство? Какъ-же это вы, умнѣющій человѣкъ на всю Москву, да эдакое сказываете?

— А что-же?

— Вѣстимо, принимать, сейчасъ принимать, перекреститься, молебенъ заказать!

— Вотъ ты какъ? — сказала княгиня.

— Да-съ, сударыня моя, перекреститься и молебенъ спѣть. Вѣдь, у этого Зорича имѣнія страшнѣющія. Я противъ него дѣла водилъ, знаю. И вотчины у него чуть не по всей Россіи разсѣяны, и деньги, говорятъ, страшенныя.

— А если вмѣстѣ съ моимъ Андреемъ Григорьевичемъ будетъ еще другой опекунъ, а то и двое еще?

— Полагаю, что не будетъ, потому, вѣдь, этотъ самый Даниловъ — человѣкъ неглупый, пишетъ хорошо, толково, обстоятельно, и если-бы былъ другой опекунъ, такъ онъ его назвалъ-бы. Да и зачѣмъ покойному было назначать двоихъ? Достаточно и одного. А, имѣя довѣріе къ князю, какъ къ своему родственнику, онъ не можетъ ему другого опекуна бѣльмомъ на глазу посадить.

— Та-акъ, — протянулъ князь. — Елизавета Петровна! по его, стало быть, и впрямь дѣло хорошее.

— Дѣло диковинно хорошее, ваши сіятельства.

— Ну, теперь сказывай опять, что намъ дѣлать сію минуту? — спросила княгиня.

— Да что? Прежде всего поваровъ за бока, скорѣе готовить всякаго дорожнаго, лошадей кормить, ввечеру — запрягать да съ Богомъ по Калужкѣ. Князь — человѣкъ немолодой, не можетъ проскакать гонцомъ, да и лошадей хорошихъ морить жалко. Стало быть, отъ Москвы до Калуги придется ему раза четыре постой устроить: покормить лошадокъ, отдохнуть и самому. А коли онъ нынче ввечеру выѣдетъ, такъ, вѣдь, онъ только на третій день ввечеру врядъ-ли будетъ на мѣстѣ. Стало быть, надо спѣшить. Къ тому-же и покойника долго оставлять непогребеннымъ грѣхъ, да и дѣвочку-то эту, барышню, поди, теперь тормошатъ, чуть не потрошатъ. Ее надо защитить. А то за два-три дня могутъ такіе подвести подходцы, что князю будетъ лишняя хлопотня. Мало-ли на свѣтѣ мошенниковъ, долго ли какую бумажку написать да заставить ее подписать. Оно будетъ, конечно, ни къ чему, а все-таки будетъ потомъ возня изъ-за кляузы.

— Такъ, стало быть, сегодня ввечеру мнѣ и ѣхать?

— Ѣхать, сударь-князь, скорѣй ѣхать. Тутъ нечего разсуждать да разговаривать. Ѣхать — да конецъ...

— Слышишь ты? — обратилась княгиня къ князю. — Неохота, небось?

— Что-же дѣлать, надо...

— Ну, а ты, Миничъ, — обернулась княгиня къ старику, — какъ?

— Что, собственно? — не понялъ подъячій.

— А ну-ка, раскинь мыслями, насчетъ чего я спрашиваю. Ты какъ самъ-то? Въ Москвѣ останешься?

— Понимаю, матушка-княгинюшка, про что вы. Какъ изволите? Прикажете — я съ княземъ поѣду.

VIII.

На основаніи рѣшительнаго совѣта законника-подъячаго Минича, отъѣздъ князя былъ рѣшенъ, и при этомъ немедленный. Но едва только начались сборы, какъ оказалось, что выѣхать въ тотъ-же вечеръ нѣтъ никакой возможности.

Князь такъ давно не отлучался изъ Москвы, что многое было не совсѣмъ въ порядкѣ. Только кони, которыхъ было до двухъ дюжинъ, могли быть сейчасъ-же запряжены, а дорожная колымага, которой давно не трогали съ мѣста, требовала кое-какой починки.

Но главное обстоятельство, мѣшавшее немедленному отъѣзду, было, конечно, „дорожное“, т. е., провизія. Несмотря на многочисленный штатъ поваровъ и поварятъ, все-таки напечь и нажарить достаточно, чтобы хватило на трое сутокъ и на всѣхъ ѣдущихъ, было невозможно.

— Какъ-никакъ, а раньше, какъ черезъ сутки, не выѣдешь, — рѣшила княгиня.

— Что-жъ дѣлать, — отозвался князь, — подождетъ, полежитъ. Вѣдь, ему все равно теперь лежать приходится, не вставая.

— Кому это? — не поняла княгиня.

— Кому? Вѣстимо, Петру Павловичу, дядюшкѣ. А что на столѣ лежать либо подъ землей, не все-ли ему равно.

— Всегда-то ты съ глупостями. Кто съ дѣломъ, а ты всегда съ балагурствомъ, — сумрачно отозвалась княгиня.

Однако, въ домѣ все-таки начались страшная суетня, бѣганье, хлопоты и — болѣе всего — ненужная болтовня. Вся дворня начала суетиться, и, повидимому, это доставляло ей большое удовольствіе. Обыденная жизнь была такъ однообразна, скучна, что всякій, какой-бы то ни былъ, случай приводилъ всѣхъ въ праздничное настроеніе.

Впрочемъ, нашлись очень многіе изъ числа назначенныхъ къ путешествію вмѣстѣ съ княземъ, которые, дѣйствительно, радовались. Нѣкоторые изъ нихъ уже лѣтъ пять-шесть не видали деревни, а Москва глаза намозолила. И хоть не домой они ѣхали, не могутъ повидать своихъ близкихъ, которыхъ давно не видали, а все-таки радовались увидѣть нивы, поля.

Едва только отъѣздъ былъ рѣшенъ, какъ князь выѣхалъ изъ дома, отправился повидать двухъ своихъ пріятелей и съ ними посовѣтываться, разспросить всякіе порядки и законы насчетъ опекунства, чтобы знать, что онъ на себя беретъ.

И князь замѣтилъ у обоихъ своихъ пріятелей нѣчто особенное: они какъ-будто завидовали ему, какъ если-бъ онъ не получилъ опеки, а самъ наслѣдовалъ отъ дальняго родственника. Одинъ изъ двухъ друзей даже похлопалъ князя по плечу и выговорилъ:

— Дѣлишки ты свои немножко поправишь.

— Какъ можно? что ты?—отозвался князь серьезно.

— Да не утягивать будешь, я не про то, хотя оно завсегда такъ водится. А тамъ все-таки, на мой салтыкъ, положится жалованье. Нельзя чужимъ дѣломъ заниматься даромъ, у всякаго свои есть. Коли онъ хлопочетъ для другого, то за это долженъ имѣть вознагражденіе. А не положатъ тебѣ вознагражденья, обязанъ ты самъ себя вознаграждать. Дѣло понятное, ты и самъ это разумѣешь.

Пока князь совѣщался со своими друзьями, княгиня занималась важнымъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ Лисафой и съ дворецкимъ она составляла поѣздъ, выбирала экипажи, распредѣляла, какихъ лошадей во что запречь и кому въ чемъ и съ кѣмъ ѣхать.

Сопровождающихъ князя было, конечно, большое количество. Половина этихъ людей была прямо необходима, другая половина отправлялась „для видимости“, такъ какъ такой важный баринъ, какъ князь Ягузинскій, не могъ ѣхать изъ столицы въ Калугу, какъ какой-нибудь мелкопомѣстный дворянинъ. Подобное было-бы прямо страннымъ. Всякій, встрѣтившійся по пути, долженъ видѣть издали и судить о томъ, кто ѣдетъ, каковъ таковъ человѣкъ.

Послѣ вечера и ночи большой домъ, немного притихнувшій за ночь, такъ какъ сборы все-таки отчасти продолжались, съ разсвѣтомъ началъ оживляться снова. Къ полудню уже гудѣло все, что было живого въ домѣ князя, всѣ были на ногахъ и всѣ суетились, даже и тѣ, которые не ѣхали и ничего не дѣлали для сборовъ, — только ради оказіи подвигаться и покричать.

Часовъ въ девять утра экипажи, запряженные уже, устанавливались по большому двору. Поѣздъ князя Ягузинскаго былъ настоящій боярскій. У самаго подъѣзда стояла дорожная колымага, высокая, широкая, ярко-голубая, запряженная шестерней самыхъ лучшихъ лошадей, которыя едва стояли на мѣстѣ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ конюхи держали подъуздцы. Четыре лошади въ рядъ у дышла были на подборъ темно-вороныя; впереди, выносныя лошади - одна подъ форрейторомъ, другая подручная—были свѣтло-сѣрыя.

Это была причуда князя, благодаря которой, когда онъ выѣзжалъ шестерикомъ или четверней цугомъ, вся Москва знала, кто ѣдетъ—по бѣлой парѣ впереди черныхъ.

Хотя въ колымагѣ было просторно и, помимо двухъ мѣстъ, можно было посадить кого-нибудь и на переднее мѣсто, тѣмъ не менѣе, по законамъ приличія, князь долженъ былъ ѣхать одинъ, такъ какъ изъ родственниковъ и близкихъ съ нимъ никто не ѣхалъ.

За колымагой стоялъ тарантасъ тройкой, новый, съ иголочки, свѣтло-коричневый, съ такими-же, будто подъ цвѣтъ, караковыми лошадьми. На козлахъ колымаги сидѣлъ большой, плотный и толстый кучеръ Антонъ, съ огромной сѣдой бородой, а на козлахъ тарантаса помѣстился тоже одинъ изъ главныхъ кучеровъ, съ окладистой черной бородой съ просѣдью. Въ немъ должны были ѣхать Миничъ и главный камердинеръ Савелій.

За этимъ тарантасомъ должны были слѣдовать два тарантаса, но проще, въ которыхъ ѣхали ближайшіе къ князю люди. Затѣмъ слѣдовали линейка и телѣжка, каждая тройкой. Тутъ размѣщались поваръ съ поварятами и простые дворовые люди. За ними былъ большой фургонъ съ глубокимъ кузовомъ, въ которомъ помѣщались лишь дорожные ящики съ посудой и съ провизіей, наполовину уже приготовленной, наполовину—въ видѣ запаса. Поѣздъ заканчивался телѣжкой парой, на которой былъ только одинъ большой боченокъ съ квасомъ, и, наконецъ, другая такая-же телѣжка, пустая, „про всякій случай“, чтобы послужить, если какой-либо экипажъ сломается въ дорогѣ. Всего-на-всего въ поѣздѣ было около десяти экипажей и до двадцати пяти лошадей.

Когда князь послѣ напутственнаго молебствія вышелъ на крыльцо садиться въ экипажъ, княгиня тоже вышла на крыльцо, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, все живое, наполнявшее домъ и флигеля, высыпало во дворъ, окружило подъѣздъ и колымагу. Около получаса прошло на то, что всѣ разсаживались по своимъ мѣстамъ и пристраивались въ путь-дорогу.

На вопросы княгини съ подъѣзда: „готово-ли“, каждый разъ кто-нибудь кричалъ, что еще не совсѣмъ. Наконецъ, узнавъ, что все готово, княгиня выговорила громко на весь дворъ:

— Ну, съ Богомъ! Въ добрый часъ!

И слова „съ Богомъ“, какъ эхо, раздались въ разныхъ мѣстахъ двора почти изъ всѣхъ экипажей. При этомъ всѣ поснимали шапки—отъ князя и до послѣдняго мальчугана, вмѣстѣ съ ними и кучера и форрейторъ. Всѣ перекрестились. Затѣмъ звякнулъ гулкій колокольчикъ на дышлѣ колымаги и зазвенѣли на лошадяхъ бубенчики, а когда тронулись вслѣдъ за двинувшейся колымагой всѣ остальные экипажи, то гулъ отъ звона и перезвона огласилъ весь кварталъ.

Когда княжій поѣздъ съѣхалъ со двора и гулъ бубенчиковъ, удаляясь по улицамъ, раздавался все глуше и глуше, къ воротамъ дома подошелъ красивый и статный малый, а затѣмъ быстро пробѣжалъ черезъ дворъ въ правый отъ дома флигель, косо поглядывая на окна большого барскаго дома.

Это былъ Абрамъ.

Опоздавши къ отъѣзду князя, онъ боялся, что княгиня случайно увидитъ его и теперь только замѣтитъ, что онъ во-время не былъ на своемъ мѣстѣ, не пришелъ пожелать князю добраго пути.

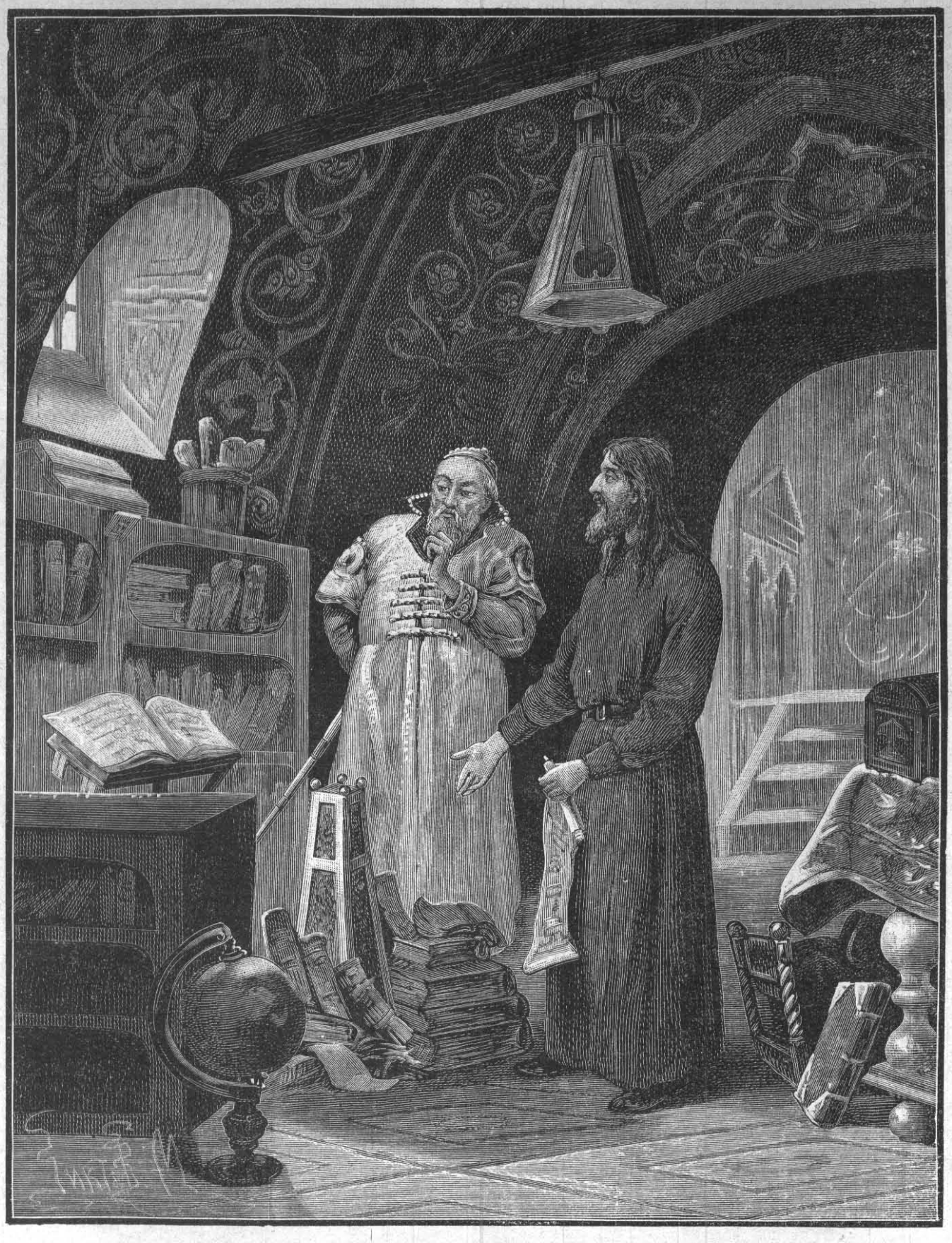
— Авось старая вѣдьма не увидитъ,—промолвилъ онъ, пробѣгая дворъ.

Но едва только Абрамъ вошелъ къ себѣ въ квартиру, какъ его мать гнѣвно набросилась на него съ бранью.

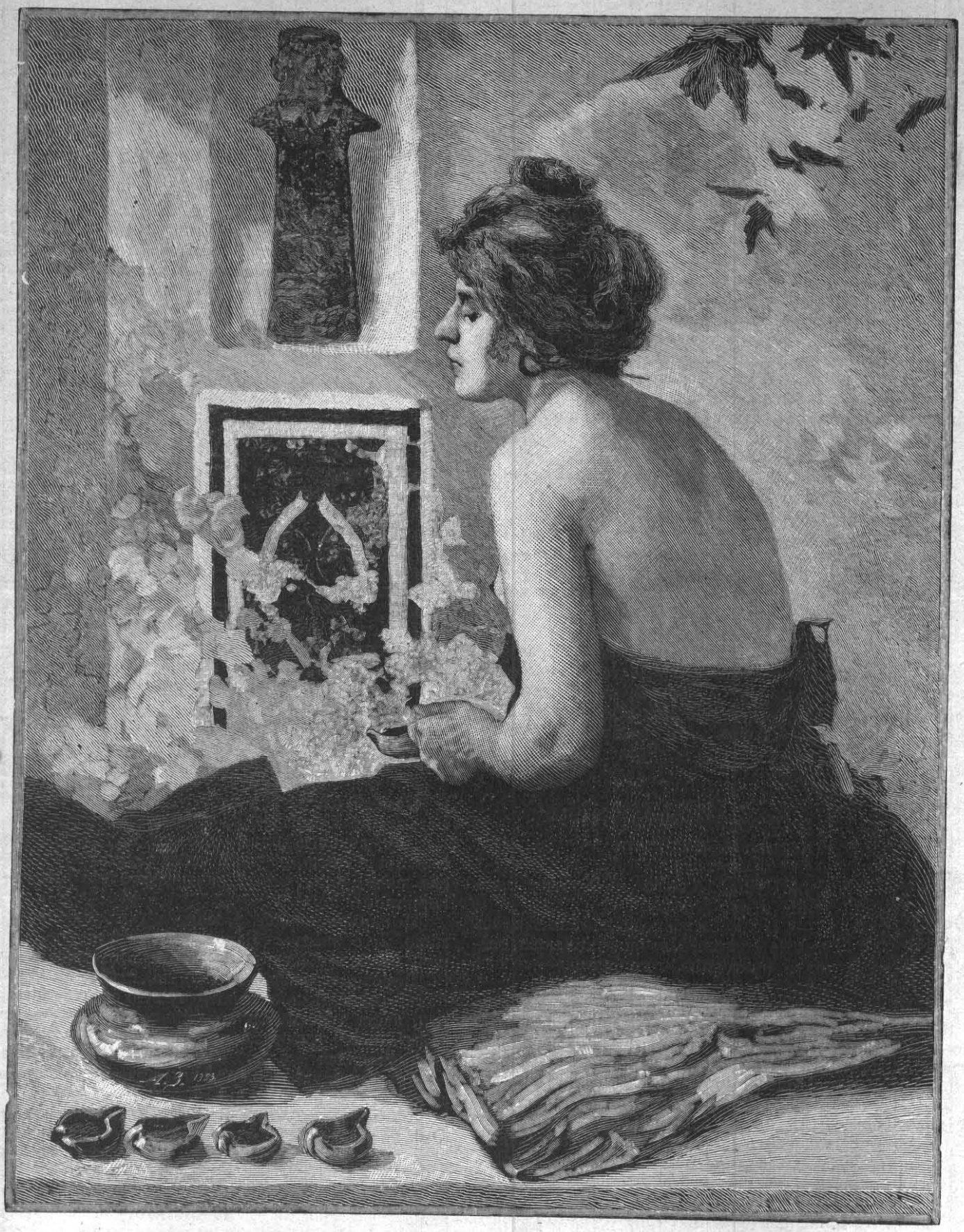
— Оголтѣлый, отчаянный!—заговорила она.—Въ эдакіе-то часы—да пропадать! Подумаешь, эдакое-то да всякій день бываетъ. Ну, спасибо, если княгиня не замѣтила, что тебя не было, а коли схватилась... А то какой подлецъ на смѣхъ намъ доложитъ ей... Что я скажу?

Абрамъ, вмѣсто того, чтобы извиняться, только весело усмѣхнулся, такъ какъ никогда не обращалъ вниманія на недовольство матери. Но такъ какъ на этотъ разъ Башкирова продолжала все на тотъ-же ладъ доказывать, что Абрамъ долженъ былъ быть непремѣнно налицо при отъѣздѣ князя, то, наконецъ, молодому малому наскучило. Онъ слегка насупился, тряхнулъ головой и выговорилъ:

— Да будетъ тебѣ! Эка трещушка! Мельница,



Великій князь и царь московскій Василій III и Максимъ Грекъ въ московской дворцовой библіотекѣ. Ориг. рисун. **В. Муйжеля**; гравир. для „Родины“ **Б. Пуцъ.**



У ХРАМА. Съ картины С. М. Дудина гравир. для „Родины“ А. Зубчаниновъ.

прямо мельница! Мелетъ, мелетъ, а, вѣдь, знаетъ: помола не будетъ.

— Знаю, что тебѣ все, что я говорю, какъ объ стѣну горохъ.

— И я это знаю и самъ сказываю: воистину я—стѣна, а всякія твои слова—горохъ. Ну, вотъ поэтому и брось это. Вѣдь, не могу-же я теперь бѣжать за поѣздомъ да просить князя: „пой для меня вторично молебенъ, а тамъ опять для меня въ карету садись, чтобы я все это видѣлъ“. Безтолковый вы народъ,—закончилъ Абрамъ нетерпѣливо.

Послѣ краткаго молчанія, пристально поглядѣвъ на мать, сѣвшую за вязанье чулка около окошка, Абрамъ вымолвилъ, нѣсколько загадочно ухмыляясь:

— А вотъ что, матка, ты лучше спросила-бы у меня, о чемъ я думаю.

— Очень нужно спрашивать! Твои всѣ думанья только о картахъ да о винѣ, да о дракахъ.

— Нѣтъ, не всегда бываетъ. У меня теперь думанье первостатейное, такое умное, что, коли скажу кому, такъ тотъ сейчасъ съ удивленья на полъ шлепнется, на ногахъ не устоитъ.

— Слыхала я это,— угрюмо отозвалась мать.

— А развѣ не бывало никогда, развѣ не бывало, что я надумаю вдругъ удивительное, чудесное, прямо диковинное?

— Не помню что-то.

— Ну, ладно, а ты вотъ теперь спроси, о чемъ я думаю.

— Ну, говори,— мягче сказала Башкирова.

— А вотъ князь нашъ будетъ теперь опекать богачку... Я вотъ нынче утромъ бѣгалъ. Ты думаешь—въ трактирѣ какомъ сидѣлъ? Анъ нѣтъ! Я былъ у самаго стараго и почтеннаго человѣка, какіе только въ Москвѣ водятся: у Ефрема Данилыча.

— Зачѣмъ это?

— А вотъ затѣмъ...—лукаво усмѣхнулся Абрамъ.—Я съ нимъ всякія бесѣды велъ и теперь кое-что знаю, чего ты не знаешь? А знаю я, что у князя теперь доходовъ будетъ больше. Должать по всей Москвѣ перестанетъ. Теперь онъ взаймы-то будетъ брать изъ сундучка самой этой барышни Зоричъ и будетъ оттуда тащить, покуда всего не растащитъ. А быть ему опекуномъ полагается года четыре, либо пять. Все зависитъ отъ того, который годъ этой дѣвченкѣ. Вотъ онъ и будетъ спѣшить. Не то, какъ только станетъ она въ совершенныхъ лѣтахъ, такъ сейчасъ-же возьметъ его на арканъ, начнетъ его по лапочкамъ шлепать. Вотъ какъ шлепаютъ, когда въ веревочку играютъ да кольцо ищутъ... Да это не все, а главное-то вотъ что. Я такъ полагаю, что князь себѣ на умѣ. Зная, что ему недолго пиршествовать и на чужія денежки веселиться, придумаетъ онъ какой-нибудь финтъ. И этого мало. Знаю я, матка, какой финтъ онъ придумаетъ...

— Ну, и поѣхали! Все-то ты знаешь,— выговорила Елизавефа, стараясь быть суровой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она невольно ухмыльнулась и поглядѣла на сына своими проницательными черными глазами, какъ-бы стараясь пронизать его насквозь и догадаться, что у него на умѣ.

Абрамъ умышленно замолчалъ, потомъ досталъ изъ угла гитару, стоявшую на полу, и началъ бренчать.

— Что-же, только того и будетъ?—выговорила, наконецъ, мать.

— Только того и будетъ на нонѣшній разъ! Хорошенькаго понемножку. Вотъ еще подумаю и, коли будешь спрашивать, я таиться не стану, разскажу.

— Да не болтай ты зря. Говори! Брось свою кастрюльку проклятую! Вотъ ужъ дьявольская посудина. И какой чертъ, прости Господи, выдумалъ эти гудки. Брось, тебѣ говорятъ! Говори, что думаешь.

Абрамъ разсмѣялся, взмахнулъ гитарой и ухарски запѣлъ. Черезъ минуту онъ смолкъ и выпалилъ:

— Матка! жени меня на боярышнѣ Зоричевой.

Башкирова вытаращила глаза, потомъ сердито плюнула и, поднявшись, вышла изъ комнаты.

Абрамъ расхохотался матери вслѣдъ и снова забренчалъ...

(Продолженіе будетъ.)

ХАНУМЪ ГЮЛИДЖАНА.

Разсказъ **Ѳ. Е. Зарина**.

(Окончаніе.)

ВАЛЬЯНСКІЙ и на это не обратилъ вниманія и продолжалъ:

— Ну, какъ вы познакомились здѣсь съ женщинами? Познакомьте меня, окажите протекцію, голубчикъ, — и онъ тихо засмѣялся.

Назаровъ почувствовалъ такой приливъ злобы, отвращенія и презрѣнія, что больше не могъ сдерживаться, и умышленно громко, чтобы всѣ гуляющіе могли слышать, рѣзко и отчетливо проговорилъ, отчеканивая каждое слово:

— Извините, Вальянскій, у меня нѣтъ здѣсь никакихъ знакомствъ среди богатыхъ старухъ, алчущихъ любви, которымъ вы могли-бы пригодиться!

Эта грубая фраза прозвучала, какъ пощечина. Многіе повернули головы и съ любопытствомъ посмотрѣли на Вальянскаго.

Онъ смутился, растерялся, хотѣлъ что-то сказать, но Назаровъ слегка отодвинулъ его съ дороги, едва коснулся полей шляпы и пренебрежительно бросилъ:

— Если угодно, я остановился въ гостиницѣ „Кавказъ“.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Назаровъ оглянулся—Вальянскій затерялся въ толпѣ гуляющихъ.

„Фу, какая гадость,—думалъ Назаровъ,—связался съ этой дрянью, выдалъ себя, выдалъ ее. Пожалуй, онъ подумаетъ, что я считаю его счастливымъ соперникомъ“.

И вдругъ сердце Назарова больно-больно защемило. Кто знаетъ? Вальянскій имѣлъ вообще большой успѣхъ у женщинъ... Но какого типа женщинъ!

Впрочемъ, развѣ зналъ Назаровъ ту, кого любилъ? развѣ можно узнать чужую душу? Какія страсти, какія чувства глубоко притаились въ этой душѣ? Чѣмъ и кто вызоветъ ихъ, эти самой душѣ невѣдомыя таящіяся въ ней бури? Что иногда бросаетъ чистую, чуткую женщину въ объятья грубаго и пошлаго фата?

Назаровъ не могъ отогнать отъ себя эти мысли. Онѣ вновь овладѣли его душой съ той непостижимой силой, съ какой онѣ часто терзали его раньше, до пріѣзда сюда.

„Нѣтъ, интересно, какіе разговоры вела она съ этимъ фигляромъ? О моихъ картинахъ, объ искусствѣ, объ его цѣляхъ и задачахъ?“

И сердце Назарова болѣло, болѣло той знакомой мукой, постыдной, ревнивой и приковывающей, когда онъ почти ненавидѣлъ ее и презиралъ себя.

И снова съ безконечной тоской, съ отчаяньемъ онъ понялъ, что сталъ опять рабомъ.

За что? Во имя чего? Что дѣлаетъ его жалкимъ безсильнымъ рабомъ? Любовь? Но любовь—восторгъ и радость, а каждая мысль о той далекой давала ему страданье! Каждая встрѣча его съ нею заставляла его страдать. А счастливыхъ минутъ было такъ мало, такъ безконечно мало!

Что-же это такое?

И рядомъ со страстнымъ желаньемъ видѣть ее въ немъ расло чувство озлобленія къ ней. Назаровъ всѣми силами души тосковалъ, что ея сейчасъ нѣтъ здѣсь съ нимъ, что онъ не можетъ сейчасъ-же бросить ей въ лицо свои постыдныя мысли, унизить ее, заставить страдать. Ея слезы могли-бы успокоить его отравленную душу...

Это и справедливо: никто не можетъ безнаказанно заставлять другого страдать.

И вспомнилось Назарову милое блѣдное лицо, на которомъ онъ такъ рѣдко видѣлъ выраженіе счастья.

И постепенно злоба его начала угасать. Онъ уже стыдился своихъ мыслей, уже мучился за нее, грустную, несчастную...

„О, гдѣ-же покой, гдѣ-же покой?“ — съ отчаньемъ думалъ онъ.

Назаровъ зналъ, что ничтожный намекъ, необдуманное слово при встрѣчѣ поднимутъ въ немъ бурю сомнѣній и ревности. Да, онъ—рабъ и не уйти ему отъ этого позорнаго рабства, не уйти!.. Развѣ—смерть?..

VI.

Назаровъ не пошелъ къ Гюлиджанѣ ни въ этотъ день, ни на другой. Съ неотразимой силой овладѣли его душой воспоминанья. Онъ вспоминалъ съ мучительной точностью мельчайшія причины своихъ сомнѣній, свои страданья, ея страданья. Онъ проклиналъ судьбу, приковавшую его къ несвободной женщинѣ.

Не самъ-ли онъ бѣжалъ отъ этого ада изъ Петербурга?.. Она тоже хотѣла этого?.. Что они другъ другу? Зачѣмъ-же здѣсь тѣ-же муки, то-же страданье, то-же рабство?..

Такъ прошло нѣсколько дней. Отчаянье Назарова смѣнилось полной апатіей. Онъ ничего не дѣлалъ, никуда не ходилъ. Онъ даже ничего не рѣшилъ. Онъ хотѣлъ только одиночества, видъ людей былъ ему несносенъ. Его душа должна была набраться силы для страданія и рѣшенія. О Гюлиджанѣ Назаровъ забылъ.

И вотъ, проснувшись въ одно ясное утро, онъ вдругъ удивился, какъ у него хватило силы уѣхать изъ Петербурга. И, чѣмъ больше онъ раздумывалъ надъ этимъ, тѣмъ больше приходилъ къ убѣжденью, что не можетъ жить безъ той, далекой, оставленной. Онъ слишкомъ много затратилъ душевной силы, чтобы можно было отречься отъ той любви.

Все равно! Перестать жить такъ легко...

И съ мукой, съ отчаяньемъ Назаровъ рѣшилъ ѣхать въ Петербургъ. Гюлиджана вдругъ стала для него чуждой, далекой. Въ послѣдній разъ рѣшилъ онъ пойти къ ней и на другое утро уѣхать...

Сердце Назарова сильно билось, когда, вечеромъ, онъ приближался къ знакомой калиткѣ.

Онъ была не заперта. Назаровъ вошелъ въ садъ и сразу увидѣлъ чью-то бѣлую фигуру, которая поднялась къ нему навстрѣчу.

Это была Гюлиджана.

Она подошла къ нему не торопясь.

— Отчего ты не былъ? — сурово спросила она.

Назаровъ взялъ ее за руку и, избѣгая прямого отвѣта, отвѣтилъ ей вопросомъ:

— А ты ждала меня?

Они сѣли на скамейку.

— Я до ночи не уходила отсюда...

У Назарова сжалось сердце.

„Какъ сказать? какъ сказать?“ — мучительно думалъ онъ.

А Гюлиджана тихо склонила свою голову къ нему на плечо и что-то нѣжно-нѣжно шептала.

— Гюлиджана, дорогая, — неувѣреннымъ голосомъ началъ онъ.

Она почуяла въ голосѣ Назарова что-то недоброе и вся насторожилась.

— Гюлиджана, я долженъ ѣхать...

— А! — только произнесла она.

Поднявшаяся луна озарила ея похудѣвшее смертельно блѣдное лицо, угасшіе глаза. Она сидѣла недвижно, какъ изваяніе.

— Гюлиджана, что съ тобой? Дорогая, надо, надо ѣхать... Вѣдь, и у меня есть родина... я чужой здѣсь... Вѣдь, ты любишь свою родину!..

— Моя родина — ты, — глухо отвѣтила Гюлиджана. — О, ты! — нѣжно и страстно повторила она: — ты — моя родина, мой отецъ, братъ, мужъ... ты, ты, — шептала она.

— Надо разстаться, я пришелъ проститься... — съ усиліемъ выговорилъ Назаровъ.

— Проститься?.. — повторила она и замолкла.

Потомъ, вдругъ принявъ неожиданное и обрадовавшее ее рѣшеніе, она всѣмъ лицомъ повернулась къ Назарову, съ глазами, горѣвшими восторгомъ и какой-то тайной мыслью, и воскликнула:

— А, вѣдь, я свободна, я приму твою вѣру и уѣду на твою холодную родину... съ тобой... съ тобой! — Она крѣпко обняла Назарова и безумно стала шептать: — вѣдь, ты возьмешь Гюлиджану? Ты, можетъ быть, думаешь, что Гюлиджана бѣдна? О, у Гюлиджаны есть бирюза, есть жемчугъ... У Гюлиджаны есть золото, много золота. Гюлиджана можетъ купить не одну лавку на армянскомъ базарѣ... Съ тобой! Я буду служить тебѣ, я отдамъ тебѣ все, все, — и себя, и жемчугъ, и золото, и чеканное оружіе отца... все, все... Гюлиджана не уйдетъ отъ тебя...

Назаровъ молчалъ. На одинъ мигъ его голова закружилась. На одинъ мигъ его охватило желанье все бросить, отречься отъ прежней жизни, уѣхать съ Гюлиджаной въ Персію, въ Стамбулъ, быть свободнымъ, какъ вѣтеръ. Но въ его душу глянули печальные глаза, блѣдное лицо призракомъ промелькнуло предъ нимъ въ сіяньѣ лунной ночи, и онъ вырвался изъ объятій Гюлиджаны.

— Нѣтъ, нѣтъ... этого нельзя, этого нельзя... ты измучишься... ты не вынесешь...

Онъ не зналъ, что говоритъ.

— Нельзя? — медленно произнесла Гюлиджана. — Нельзя? — повторила она, впиваясь мрачнымъ взоромъ въ блѣдное лицо Назарова. — Почему нельзя?

Назаровъ молчалъ. Что онъ могъ сказать?

Гюлиджана встала къ нему свое лицо и прошептала:

— Ты разлюбилъ? Ты полюбилъ другую? — и ея рука до боли сжала руку Назарова.

„Ахъ, къ чему лгать?“ — съ болью подумалъ Назаровъ и рѣшился покончить все сразу.

— Я не люблю тебя, — сказалъ онъ.

Гюлиджана встала. Гнѣвныя судороги, какъ молнія, пробѣгали по ея лицу. Она положила руку на кинжалъ и не сводила глазъ съ Назарова.

Назаровъ тоже всталъ.

„Пусть будетъ, что будетъ, — думалъ онъ, — пусть убьетъ меня, но я не могу иначе“.

Князь Георгій Владимірскій съ сыновьями послѣ Липецкой битвы въ станѣ у новгородскаго князя Мстислава (1215 г.). Ориг. рисун. **Ѳ. Кремлева;** гравир. для „Родины“ **К. Ольшевскій.**

ПОХОРОНЫ. Съ картины академика **П. Трутнева** гравир. для „Родины“ **В. Цехомскій.**

Такъ стояли они нѣсколько мгновеній. И вотъ Назаровъ увидѣлъ, какъ лицо Гюлиджаны стало утрачивать свое гнѣвное выраженіе, какъ смягчался мрачный блескъ ея глазъ, разжалась рука, сжимавшая кинжалъ.

Но ея лицо сохраняло странное, загадочное выраженіе. Казалось, тайная мысль зародилась въ ея головѣ.

— Прощай! — произнесъ Назаровъ.

— Приходи прощаться завтра,— отвѣтила Гюлиджана,—приходи завтра туда,— и она махнула рукой по направленію къ дому.

— Зачѣмъ? зачѣмъ намъ мучиться? Простимся сейчасъ.

— Не хочу... Или ты боишься меня? — насмѣшливо произнесла Гюлиджана.

Назаровъ вспыхнулъ.

— Я приду...

Гюлиджана быстро повернулась и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ прибавить еще что-нибудь, скрылась въ домѣ.

Съ тяжелымъ сердцемъ, полнымъ раскаянья, тоски и стыда, вернулся Назаровъ домой...

VII.

Чѣмъ ниже склонялось солнце, тѣмъ сильнѣе расло въ Назаровѣ, нервное, напряженное настроеніе,— съ нимъ сдѣлалась почти нервная лихорадка. Предстоящее свиданье съ Гюлиджаной наполняло его сердце предчувствіемъ тяжелаго страданья. Онъ зналъ, что каждая минута этого свиданья будетъ пыткой. А не идти нельзя.

Солнце зашло, забѣгали по горѣ золотыя звѣзды и вершины холмовъ освѣтились серебрянымъ свѣтомъ.

Знакомой дорогой прошелъ Назаровъ черезъ садъ. У лѣстницы его ждала старуха.

— Иди,—мрачно сказала она, не глядя на него.

Она провела Назарова знакомымъ корридоромъ, и вотъ онъ снова въ той комнатѣ, гдѣ зналъ не одну блаженную минуту.

Гюлиджаны не было; старуха ушла.

Тяжелый камень лежалъ на сердцѣ Назарова. Всякая мысль, всякое воспоминанье вызывали въ немъ только одно страданье.

Черезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь, и вошла Гюлиджана, неся на подносѣ кувшинъ съ виномъ, два серебряные бокала, виноградъ и персики.

Ея лицо было торжественно и сосредоточенно.

Поставивъ подносъ на столъ, она подошла къ Назарову.

— Здравствуй, — сказала она, протягивая ему руку.

— Здравствуй, Гюлиджана,— отвѣтилъ Назаровъ.

— Я благодарю тебя, что ты пришелъ.

Водворилось тяжелое молчанье. Гюлиджана сѣла рядомъ съ Назаровымъ и тихо взяла его за руку.

— Такъ ты не любишь?— едва слышно спросила Гюлиджана.

Выраженіе страданья промелькнуло по лицу Назарова.

— Люблю-ли, не знаю; мои чувства измѣнились теперь, Гюлиджана,— тихо отвѣтилъ онъ.

— Хорошо,— произнесла послѣ долгаго молчанья Гюлиджана,— пусть будетъ воля Аллаха. До сихъ поръ губы мои не прикасались къ вину, но сегодня я могу нарушить завѣтъ пророка. Это — хорошее, старое вино; оно отъ дѣда моего.

И она налила до краевъ серебряные бокалы.

Назаровъ съ удивленіемъ вслушивался въ слова Гюлиджаны, вслушивался и чувствовалъ, что пересталъ понимать ее.

— Я желаю тебѣ, Гюлиджана, счастья и покоя,— сказалъ онъ и разомъ выпилъ бокалъ.

— Пей еще,— налила ему Гюлиджана.

Вино, дѣйствительно, оказалось очень хорошимъ и очень крѣпкимъ.

— Хорошо, Гюлиджана, я выпью еще; я выпью за то, чтобы ты не помнила зла на мнѣ; за то, какъ я безумно любилъ тебя; не моя власть удержать угнетающее чувство, но я любилъ тебя и не лгалъ тебѣ. Прости-же меня, Гюлиджана, я и самъ страдаю, но я не могу иначе.

Взволнованный Назаровъ умолкъ.

Во время его рѣчи Гюлиджана сидѣла, опустивъ голову; выраженіе ея лица смягчилось, прежняя нѣжность появилась на немъ; но при послѣднихъ словахъ оно вновь окаменѣло въ своемъ загадочномъ выраженіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе.

— Ты простила меня? — спросилъ Назаровъ, беря ее за руку.

Гюлиджана пристально посмотрѣла ему въ глаза ничего не говорящимъ взглядомъ и тихо отвѣтила:

— Я прощаю тебя.

Голова Назарова слегка кружилась и отъ выпитаго вина, и отъ душнаго аромата, наполнявшаго комнату. Онъ ласково гладилъ руку Гюлиджаны, откинувшись на спинку дивана и закрывъ глаза. Должно быть, отъ нервнаго истощенія послѣднихъ дней, отъ безсонныхъ ночей имъ овладѣла теперь непонятная истома. Онъ не страдалъ, у него было одно желанье — физическаго покоя, не двигаться, не говорить. Гюлиджана обняла его; онъ хотѣлъ встать, попрощаться съ нею въ послѣдній разъ и уйти, но не двинулся съ мѣста.

Гюлиджана что-то начала шептать ему. Назаровъ смутно слышалъ ее; звуки какъ-то странно проносились надъ нимъ, едва достигая его слуха.

Но вдругъ чьи-то руки неожиданно сильно сдавили ему шею. Его оцѣпенѣніе мгновенно прошло. Онъ открылъ глаза и увидѣлъ надъ своимъ лицомъ необыкновенно расширенные горящіе глаза Гюлиджаны. Она крѣпко обхватила его шею своими тонкими длинными пальцами.

Назаровъ хотѣлъ вскочить, но его поза была слишкомъ неудобна, и онъ опять упалъ на тахту. Онъ схватилъ руки Гюлиджаны, силясь оторвать ихъ отъ себя. Но Гюлиджана съ отчаянной нервной силой, молча, стиснувъ зубы, все крѣпче и крѣпче сжимала его шею.

Назаровъ схватилъ ея руки у локтя и сжалъ изо всей силы.

Отъ боли руки Гюлиджаны разжались, и Назаровъ, задыхаясь, вскочилъ на ноги.

— Гюлиджана, ты — безумная! — вскричалъ онъ.

Она засмѣялась.

— Прощай, — произнесъ Назаровъ, направляясь къ двери.

Но Гюлиджана стала между нимъ и дверью.

— А ты думаешь я выпущу тебя? — задыхающимся шепотомъ произнесла она.

— Полно, Гюлиджана, — сказалъ Назаровъ, — развѣ можно удержать меня? И зачѣмъ намъ разставаться такъ? Богъ проститъ тебѣ твою безумную попытку, а я... я самъ слишкомъ виноватъ предъ тобою, чтобы имѣть право прощать... Пусти меня!

Назаровъ былъ очень блѣденъ. Но его не пугала Гюлиджана. Что могла она сдѣлать съ нимъ? Конечно, онъ былъ сильнѣе ея, хотя и безоруженъ, а

она, стоя предъ нимъ, играла съ кинжаломъ, висѣвшимъ у ея пояса.

Назаровъ былъ въ нерѣшимости. Злое чувство поднималось изъ глубины его души, но вступить въ рукопашную борьбу съ женщиной онъ не могъ.

— Пусти, — снова повторилъ онъ, ступая впередъ.— Я не боюсь твоего кинжала... Отчего ты сразу не убила меня?

— Я обнимала тебя и хотѣла задушить... ты дрожалъ въ моихъ рукахъ... — глухо отвѣтила Гюлиджана.

— Гюлиджана, я не хочу тебѣ зла, пусти меня, насъ здѣсь двое, пусти меня, — весь дрожа проговорилъ Назаровъ.

Онъ подошелъ къ ней почти вплотную и протянулъ руку, отстраняя ее.

Этотъ жестъ, это прикосновеніе, столь непохожіе на недавнія ласки, столь оскорбительные, были послѣднимъ ударомъ для Гюлиджаны. Назаровъ, словно при блескѣ молніи темной ночью, мгновенно замѣтилъ необычайную блѣдность ея лица, блестящіе расширенные глаза и быстрый короткій взмахъ руки.

Плохо соображая, что случилось, онъ инстинктивно поднялъ руки кверху, чувствуя какое-то странное, неловкое ощущеніе въ лѣвомъ плечѣ, зашатался, хотѣлъ за что-то ухватиться и всѣмъ тѣломъ тяжело упалъ впередъ, лицомъ внизъ.

Пронзительный крикъ раздался надъ нимъ — онъ слышалъ его, какъ въ тяжеломъ снѣ — и тьма, и безмолвіе смѣнили его...

VIII.

Назаровъ пришелъ въ себя въ городской больницѣ. Онъ пролежалъ безъ памяти цѣлыя сутки. Его подобрали раннимъ утромъ на берегу Куры, на окраинѣ города.

Рана, нанесенная ему въ лѣвое плечо, не была опасна. По мнѣнію доктора, кинжалъ былъ направленъ сильной и вѣрной рукой и, только благодаря случаю, не пробилъ легкаго.

Назаровъ вспомнилъ тонкія, нѣжныя руки Гюлиджаны и грустно улыбнулся. Большая потеря крови и общее нервное истощеніе затянули его болѣзнь, но все-же ему позволили переѣхать въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ жилъ.

На всѣ разспросы Назаровъ отвѣчалъ незнаніемъ, и его оставили въ покоѣ.

При первой-же возможности Назаровъ отправилъ номерного лакея въ домъ мужа Гюлиджаны, Ахмета Али оглы Суража, якобы съ приглашеніемъ Ахмета явиться для переговоровъ по продажѣ бирюзы. Но вернувшійся татаринъ сообщилъ, что домъ запертъ, а Суразъ съ женой уѣхали въ Эривань. При этомъ извѣстіи непонятная тоска овладѣла Назаровымъ, тоска, похожая на ту, какую испытываетъ иногда человѣкъ, просыпаясь отъ плѣнительнаго сна для горькой дѣйствительности...

Золотые огни Тифлиса остались позади. Лошади бойко бѣжали по гладкому шоссе. Вотъ и часовня, сейчасъ поворотъ — и Тифлисъ скроется изъ глазъ. Въ послѣдній разъ оглянулся Назаровъ и, снявъ шляпу, низко наклонилъ голову...

Впереди темный путь. Далеко за этими суровыми вершинами лежитъ страна тумановъ и снѣговъ, холодная, непривѣтная, но родная, страна иныхъ людей и знакомыхъ неизбѣжныхъ страданій, несбыточныхъ надеждъ и обманутыхъ ожиданій... И онъ ѣдетъ туда! онъ жаждетъ этой жизни!

Назаровъ крѣпче закутался въ бурку и надвинулъ на глаза шляпу.

КОНЕЦЪ.

Зимніе напѣвы.

I.

Зимой исполнена душа поэта
Тоски и грусти потайной;
И смотритъ день безъ ласки и привѣта
Зимой.
Тяжелыхъ думъ безсвязный рой
Тревожитъ умъ; сомнѣнья ждутъ отвѣта.
Все вкругъ покрыто сѣрой мглой...
О, если-бъ проблеснулъ съ небесъ лучъ
свѣта
И, мглу разсѣявъ надъ землей,
Онъ свѣтлой мыслью озарилъ поэта
Зимой!

II.

Зима къ намъ пришла... И лѣниво, небрежно
Смѣнила блескъ солнечный дней полутьма,
Все вкругъ пріодѣла парчей бѣлоснѣжной
Зима.
Озера и рѣки льдомъ крѣпкимъ весьма
Сковала повсюду и съ вьюгой мятежной
Въ просторѣ ликуетъ и злится сама...
Мнѣ кажется нынѣ: съ красавицей нѣжной,
Весной, распростилась земля навсегда,
Когда все сковала такъ ризою снѣжной
Зима.

III.

Изъ-за тучъ съ небесъ тайкомъ
Смотритъ мѣсяцъ ясный;
Снѣгъ блеститъ вкругъ серебромъ...
— Ѣдемъ, другъ прекрасный!..
— Эй, соколики, впередъ! —
Гикнетъ кучеръ лихо: —
Чарку водки поднесетъ
За труды купчиха!..
И, какъ птица, полетитъ
Тройка борзыхъ въ полѣ;
Колокольчикъ зазвенитъ
Весело на волѣ.
— Ѣдемъ!.. Ѣхать намъ вдвоемъ
Ночью не опасно:
Снѣгъ блеститъ вкругъ серебромъ,
Смотритъ мѣсяцъ ясный.

П. Л—инскій.

Никчемный.

Разсказъ **Ал. Лавинцева.**

(Продолженіе.)

ОБКОВЪ призадумался.

— Не хорошо ты это все говоришь, Шевкинъ, — проговорилъ онъ послѣ раздумья, покачивая своею сѣдою головой,—ой, парень, не хорошо... Положимъ, что Чимбирновъ—никчемный стрѣлокъ... лодырь онъ и трусъ, а все-таки русскій солдатъ николи измѣнникомъ своей присяги не бываетъ... И ты, братъ, объ этомъ говорить перестань... Такими словами ты, братъ, только себя да товарищей срамишь... Нишкни больше про это, Шевкинъ... Ахъ, Чимбирновъ, Чимбирновъ! — сокрушался фельдфебель,—и что ты за человѣкъ на свѣтъ Божій уродился: и нѣтъ тебя, а всѣ тебя только и хаютъ...

А, между тѣмъ, тотъ, кого Шевкинъ такъ убѣжденно называлъ чуть-ли не измѣнникомъ, — «никчемный стрѣлокъ» Константинъ Чимбирновъ, изнемогая отъ голода, томясь нестерпимою жаждою, сидѣлъ, притаившись въ глубокой разсѣлинѣ сопки, выжидая только темноты, чтобы попробовать подкрасться къ своимъ...

Онъ именно долженъ былъ подкрасться и подкрасться съ фронта. Указаній Ярмощука хватило ему не надолго. Вырвавшись на свободу, Чимбирновъ успѣлъ благополучно скрыться отъ преслѣдованія, но зато заблудился и не зналъ, какъ ему попасть къ своимъ позиціямъ. Всѣ эти курившіяся отъ безчисленныхъ выстрѣловъ сопки казались ему одинаковыми. Солдатъ ясно зналъ, гдѣ его земляки, но не зналъ, какъ ему подойти къ нимъ. Онъ понималъ, что, стоитъ ему открыто показаться на склонѣ той или другой сопки, его ждетъ неминуемая смерть—все равно, съ чьей стороны: отъ своихъ или отъ японскихъ пуль. Попасться-же снова въ плѣнъ тоже значило идти на смерть: Чимбирновъ зналъ, что японцы церемониться не станутъ съ бѣглымъ военноплѣннымъ.

Трусливый по природѣ солдатъ терялъ голову. Ни одной мысли о томъ, какъ выйти изъ такого положенія, ему не приходило въ голову. Это всего болѣе и удручало «никчемнаго стрѣлка».

«Эхъ-тихъ-тихъ! — чуть не плакалъ Чимбирновъ, — и въ самомъ-то дѣлѣ никуда я не гожусь! Вырваться на волю вырвался, а что съ этой волей сдѣлать — придумать не могу!»

А голодъ давалъ себя знать, да и жажда тоже...

«Чего тутъ сидѣть, словно заяцъ подъ кустомъ?—размышлялъ солдатъ: — сиди-сиди, все равно, ничего не высидишь... Хлѣбца-бы теперь да еще съ водичкой—такъ-бы вотъ поѣлъ... А гдѣ взять? Эхъ ты, жизнь наша солдатская!»...

Но правда говорится: «голодъ не тетка—всему научитъ»...

Чимбирнова внезапно осѣнило соображеніе, что кругомъ него всякаго хлѣба, даже воды — видимо-невидимо. По склонамъ сопокъ всюду валялись трупы японцевъ; при нихъ оставались ихъ манерки и мѣшечки съ рисомъ. Подобраться-бы вотъ только и пируй до-сыта, до-отвала.

Подобраться, но какъ? Нечего и думать объ этомъ, пока не стемнѣетъ.

И Чимбирновъ принялся ждать желанной темноты. Онъ вооружился всѣмъ терпѣніемъ, на какое была только способна его выдрессированная на этотъ счетъ душа. Чтобы какъ-нибудь скоротать время, солдатъ принялся разсказывать самъ себѣ сказки, въ которыхъ выставлялъ себя непобѣдимымъ богатыремъ; потомъ, когда это занятіе надоѣло, онъ началъ мечтать о томъ, какъ встрѣтятъ его товарищи, когда онъ вернется. Благодаря этому, время летѣло довольно быстро, да и желудокъ не такъ сильно давалъ себя знать. Темнота подобралась незамѣтно и окрыла землю своей непроницаемой пеленой, прежде чѣмъ этого могъ ожидать голодный солдатъ. Зато какой радостью забилось его сердце, какимъ восторгомъ затрепеталъ онъ, когда вдругъ по всѣмъ направленіямъ теменъ наступившей ночи, словно исполинскіе мечи гигантовъ, пронизали лучи прожекторовъ изъ русскихъ укрѣпленій. Свѣтъ отъ нихъ такъ и лился волной. Казалось, будто гдѣ-то далеко-далеко горятъ невидимыя солнца и именно ихъ лучи—лучи, исходящіе изъ невидимыхъ источниковъ—ниспадаютъ изъ-за таинственной завѣсы ночи на эту объятую ужасами войны землю. Чимбирновъ, никогда не видавшій свѣтовыхъ лучей прожекторовъ съ такого отдаленія, невольно на нѣсколько мгновеній залюбовался этой картиной, но вслѣдъ затѣмъ страхъ овладѣлъ имъ. Подъ волнистымъ, словно клубящимся, свѣтомъ, лившимся съ вершины, склонъ ближайшей къ солдату сопки казался словно ожившимъ. Какъ-будто черви какіе-то копошились на немъ, то собираясь въ кучки, то расползаясь по разнымъ направленіямъ. И вдругъ на вершинѣ сопки раздалось не особенно громкое уханье. Въ темнотѣ, выше черты свѣта, разлитаго исполинскимъ лучемъ, показалась огненная, словно протянутая въ воздухѣ, полоска; грянулъ дребезжащій, разсыпчатый звукъ взрыва, въ темнотѣ сразу вырисовалось нѣсколько десятковъ огненныхъ клубковъ и бѣловато-огненныя струи потекли съ высоты на червей, копошившихся по склону сопки.

«Шрапнелью наши по японцамъ палятъ! — сообразилъ, въ чемъ дѣло, Чимбирновъ, — ну, будь, что будетъ! Господи, благослови, не попусти, не выдай!»

Осторожно, совсѣмъ пригинаясь къ землѣ, стрѣлокъ поползъ, стараясь не попадать въ полосу свѣта. Опасность ему пока не грозила, по крайней мѣрѣ, со стороны своихъ—русскія укрѣпленія были слишкомъ далеко, а японцевъ — с ранное дѣло!—Чимбирновъ не боялся; онъ даже позабылъ о томъ, что враги окружаютъ его теперь со всѣхъ сторонъ; солдатъ боялся, что русскій снарядъ уничтожитъ его, прежде чѣмъ онъ успѣетъ передать своимъ вѣсть о грозящей ихъ вождю опасности... Голодъ, жажда, усталость,—все исчезло сразу. Сила духа поборола немощь тѣла и никчемный стрѣлокъ все ползъ и ползъ, лишь съ отчаяніемъ думая, что земляки еще далеко и ему не удастся добраться до нихъ.

Свѣтъ лучей становился все ярче и ярче. Чимбирновъ долженъ былъ жмуриться, потому что лучи слѣпили ему глаза. Ослѣпленный, онъ не замѣтилъ, что предъ нимъ, какъ пасть подземнаго чудовища, вдругъ раскрылся обвалъ. Чимбирновъ скатился въ него. Сперва ему показалось, что онъ падаетъ въ глубокую пропасть — въ одну изъ безчисленныхъ разсѣлинъ, но черезъ моментъ Чимбирновъ уже чувствовалъ, что лежитъ на чемъ-то мягкомъ. Страшное зловоніе вдругъ обдало его, и какъ ни крѣпокъ былъ солдатъ, но духъ у него захватило, голова закружилась и онъ лишился чувствъ.

Впрочемъ, обморокъ продолжался недолго. Чимбирновъ очнулся, и волосы поднялись у него на головѣ отъ смертельнаго страха. Лучи прожектора сконцентрировались въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ солдатъ, и «никчемный стрѣлокъ» увидалъ себя среди груды мертвецовъ. Страшныя лица съ оскаленными зубами, съ провалившимися глазами виднѣлись всюду. Были такіе, у которыхъ не доставало верхней половины головы, были съ цѣлыми головами, но зато съ развороченными грудьми. Запекшаяся кровь покрывала ихъ черноватымъ слоемъ; всюду торчали неестественно вывернутыя руки со скрюченными послѣдней судорогой пальцами, виднѣлись сведенныя ноги, выходившія изъ головъ.

При бѣлесоватомъ свѣтѣ всѣ трупы казались страшно блѣдными, но весь этотъ ужасъ недолго дѣйствовалъ на солдата. Его нервы достаточно закалились и онъ безъ труда понялъ, куда попалъ.

«Наша все это работа! — даже съ горделивымъ чувствомъ подумалъ онъ, — може, тутъ и не одинъ мой крестничекъ покоится... Ишь, сколько набили! И по дѣломъ: не лѣзь!»

Однако, зловоніе было такъ ощутительно, что Чимбирновъ поспѣшилъ выбраться изъ этой «мертвой траншеи».

«Тоже негодники! — ворчалъ про себя солдатъ:—подъ самый, можно сказать, намъ носъ подвалили»...

Онъ зналъ, что японцы, снося по возможности своихъ раненыхъ со склоновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, стараются подбрасывать трупы какъ можно ближе къ русскимъ траншеямъ въ надеждѣ, что невыносимый запахъ сломитъ бодрость часовыхъ и дастъ имъ возможность незамѣтно подобраться поближе. Для врага оказывались хорошими всѣ средства борьбы; дышать на аванпостахъ было чрезвычайно трудно, и всѣ часовые имѣли на лицахъ повязки съ тряпками, пропитанными камфорой, нѣсколько уничтожавшей трупное зловоніе.

Притомился-ли Чимбирновъ, или нервное напряженіе притупило въ немъ всякую чувствительность, только онъ пересталъ обращать всякое вниманіе на открывавшіеся предъ нимъ ужасы и ползъ все выше и выше.

Слабый стонъ, раздавшійся совсѣмъ близко около него, заставилъ стрѣлка поплотнѣе примкнуть къ землѣ. Стоны звучали глухо и словно выходили изъ-подъ земли. Солдатъ нѣсколько мгновеній прислушивался, потомъ чуть приподнялъ голову и оглядѣлся.

Рядомъ съ Чимбирновымъ въ землѣ чернѣлось довольно большое углубленіе и стоны неслись изъ него.

«Волчья яма! — сообразилъ солдатъ, — попалъ какой-то сердяга... Не сладко, поди, ему... А много ихъ здѣсь! А тамъ у проволоки сколько — не перечесть!»

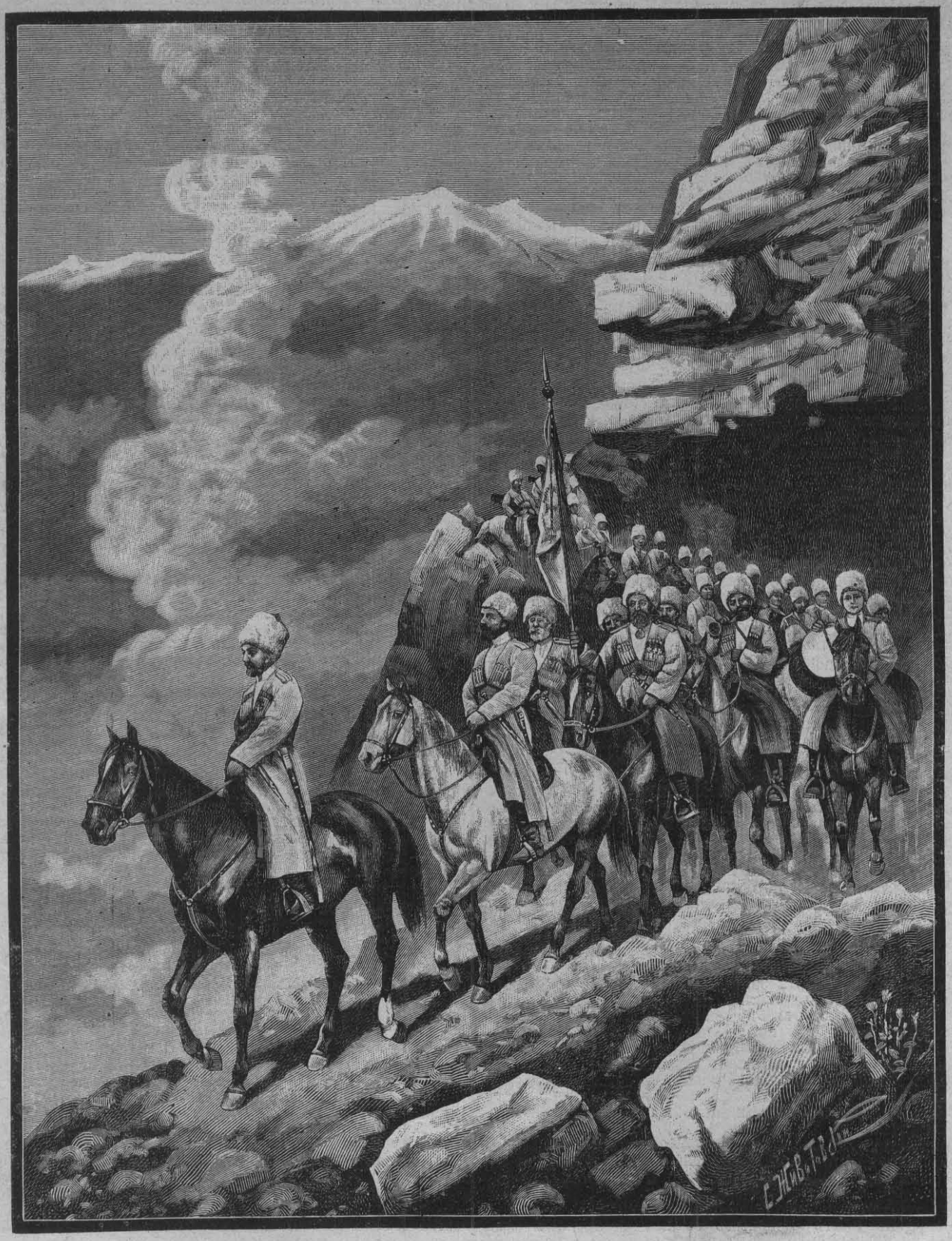
Чимбирновъ приподнялся еще выше и оглядѣлся попристальнѣе. Онъ былъ теперь совсѣмъ близко отъ проволочныхъ загражденій. Труповъ тутъ лежало множество и зловоніе опять давало себя знать.

Глухой говоръ, вѣрнѣе, шепотъ многихъ голосовъ, заставилъ солдата опять приникнуть къ землѣ. Онъ теперь радъ былъ-бы уйти въ землю. Привычное ухо различало японскія слова.

«Въ аттаку идутъ!—промелькнула въ головѣ «никчемнаго» мысль, — Господи! заступи, спаси, помилуй!»

Онъ не ошибался. Японцы шли въ аттаку и эта была самая яростная изъ августовскихъ аттакъ на господствующія надъ Артуромъ высоты.

Генералъ Ноги, не щадя людей, кидалъ въ страшный бой отряды за отрядами. Вся ярость аттакъ была направлена на



Конно-дагестанскій полкъ въ родныхъ горахъ. Оригин. рисун. **С. Животовскаго;** гравир. для „Родины“ **И. Юревичъ.**

Метровую высоту, Высокую гору и Восточно-панлуншанскіе форты. Фортъ № 3 былъ приманкой для штурмующихъ. На немъ они сосредоточивали всю силу своихъ бѣшеныхъ ударовъ. Презирая смерть, лились живыя волны, взбираясь все выше и выше по склону сопки. Тѣ «черви», которыхъ видѣлъ Чимбирновъ, были не японскіе санитары, какъ предполагалъ солдатъ, а отчаянные смѣльчаки, подкрадывавшіеся среди безчисленныхъ волчьихъ ямъ къ проволочнымъ загражденіямъ и пробовавшіе повалить врытые въ землю столбы, на которыхъ держалась проволока. По ихъ слѣдамъ ринулись и штурмовыя колонны. Русскіе сейчасъ-же открыли по нимъ нестерпимый огонь. Шрапнель осыпала штурмующихъ своимъ убійственнымъ дождемъ, но отчаянные смѣльчаки не останавливались. Да и какъ они могли остановиться, когда и позади ихъ была такая-же смерть, какъ и впереди? Ихъ-же артиллеристы то и дѣло бросали снаряды съ такимъ расчетомъ, чтобы они рвались позади штурмующихъ: путь отступленія, такимъ образомъ, былъ отрѣзанъ. Смерть со всѣхъ сторонъ открывала свои объятія желтолицымъ воинамъ.

Эти несчастные, эти обреченные на смерть люди шли, какъ-будто обезумѣвъ, какъ-будто ничего не видя предъ собой. Они хрипло кричали, ободряя сами себя своимъ крикомъ...

Чимбирновъ, не будучи въ силахъ преодолѣть овладѣвшій всѣмъ его существомъ страхъ, не помня себя, не соображая, что онъ дѣлаетъ, вскочилъ на ноги. Въ то-же мгновеніе живая волна подхватила и понесла его впередъ, прямо къ дышавшей адскимъ пламенемъ вершинѣ сопки. Обезумѣвшіе японцы, вѣрнѣе всего, не замѣтили въ своемъ ослѣпленіи этого одѣтаго въ китайское платье человѣка; Чимбирновъ-же, руководимый инстинктомъ самосохраненія, оралъ, что было силъ въ груди, всевозможныя японскія слова, приходившія ему на языкъ. Безуміе массы заразило его. Онъ ничего предъ собой не видѣлъ, кромѣ огнедышащаго укрѣпленія, гдѣ были его земляки.

Несмотря на адскій огонь изъ форта, японцы все-таки прорвались черезъ загражденія и миновали волчьи ямы. Колонна была настолько многочисленна, что прорвавшихся оказалось достаточное количество для штурма форта. Путь къ укрѣпленію этимъ храбрецамъ преградилъ широкій полный воды ровъ, — преградилъ, но не остановилъ: они массой кинулись въ него, запрудили его своими тѣлами. Сколько погибло здѣсь этихъ несчастныхъ, и сказать невозможно, но все-таки тѣ, кто уцѣлѣлъ, добравшись, ударились на брустверъ и ворвались въ фортъ... Свирѣпые «банзай, ниппонъ» заглушили «ура». Закипѣлъ страшный бой грудь съ грудью; фортъ смолкъ. Укрѣпленіе погибло — помощь ему придти не могла.

Восточный Панлуншанъ подвергся такой-же отчаянной аттакѣ, какъ и фортъ № 3. Дважды кидались на него враги, и дважды русскіе удальцы откидывали ихъ прочь. Но неумолимый, задавшійся цѣлью добиться, во что-бы то ни стало, успѣха, Ноги въ третій разъ бросилъ свѣжіе полки на Панлуншанъ. Теперь сопротивленіе защитниковъ форта стало значительно слабѣе. Они изнемогли въ непрерывномъ бою, ихъ физическія силы упали, но все-таки, напрягши свою мощь, защитники Панлуншана ударили на врага и отбросили его далеко отъ своего укрѣпленія. Увы! въ этомъ молодецкомъ ударѣ были растрачены послѣднія богатырскія силы. Въ то время, когда у форта происходили схватки, какой-то японскій офицеръ ухитрился остаться съ нѣсколькими солдатами позади русскихъ бойцовъ и за ихъ спиной поднялъ на брустверѣ свой флагъ. Это ободрило отброшенныхъ японцевъ, они повернули и на этотъ разъ ворвались въ фортъ.

Теперь внутри форта завязалась отчаянная рѣзня. Обѣ стороны пустили въ ходъ камни, штыки, ружья, ручныя гранаты. Началась ни съ чѣмъ не сравнимая свалка. Среди кровопролитія японскій флагъ сбрасывался на землю и вновь поднимался пятнадцать разъ. Но исходъ боя былъ уже несомнѣненъ: русскихъ все убывало и убывало, къ японцамъ подходили все новыя и новыя подкрѣпленія. Держаться не было возможности — русскіе оставили Панлуншанъ и отошли, яростно преслѣдуемые врагами, къ подошвѣ Ванталской вершины.

Торжествующій врагъ укрѣпился во взятомъ фортѣ.

Но Панлуншанъ не былъ главною цѣлью Ноги. Ему нуженъ былъ фортъ № 3 и японскій вождь и здѣсь ликовалъ побѣду.

Однако, это ликованіе было преждевременно.

Овладѣвъ послѣ бѣшеныхъ аттакъ фортомъ, японцы быстро начали укрѣпляться въ немъ и успѣли даже притащить орудія. Вдругъ ихъ полные побѣднаго ликованія крики заглушило русское «ура». Предъ фортомъ очутился батальонъ моряковъ: — ихъ велъ капитанъ Лебедевъ. Узнавъ, что фортъ № 3 палъ, Александръ Васильевичъ, не ожидая приказаній, повелъ въ отчаянный бой свой батальонъ. Онъ шелъ впереди всѣхъ и съ силой всесокрушающаго вихря влетѣлъ первымъ въ фортъ. Солдаты шли за нимъ, не отступая ни на шагъ. Ворвавшись, Лебедевъ кинулся въ гущу враговъ, размахивая палашемъ и стрѣляя изъ пистолета съ тяжелой рукояткою. Японскія головы такъ и катились подъ его ударами. Когда были разстрѣляны всѣ патроны, пистолетъ обратился въ боевую палицу; схвативъ его за дуло, богатырь рукояткой крушилъ японскіе черепа. Это былъ поистинѣ легендарный бой, невиданный и неслыханный съ тѣхъ поръ, какъ переводились на Руси богатыри, воспѣтые въ былинахъ. Если-бы не было многихъ очевидцевъ этого боя, трудно было-бы и повѣрить, что одинъ человѣкъ могъ уложить вокругъ себя тридцать пять нападавшихъ на него враговъ *)! Молодцы-матросы не отставали отъ своего героя-командира и несли смерть сопротивлявшемуся врагу. Сойдясь съ японцами грудь съ грудью, они вступили съ ними въ кровавый, смертный рукопашный бой. Непріятель не вынесъ богатырскаго натиска и дрогнулъ. Еще мигъ, и оставшіеся на ногахъ японцы стремглавъ кинулись вонъ изъ форта. Не много осталось ихъ, но и этихъ уцѣлѣвшихъ счастливчиковъ на обратномъ пути валилъ съ ногъ русскій огонь...

Александръ Васильевичъ, утомленный до-нельзя, присѣлъ на камень. Грудь его высоко вздымалась, дыханіе было прерывисто, по лицу струился потъ. Несмотря на всю яростность этого боя, Лебедевъ не получилъ ни одной раны. Онъ снялъ фуражку и, тяжело дыша, началъ отирать платкомъ лицо. Въ этотъ самый моментъ надъ его головой раздался не особенно громкій, дребезжаще-рокочущій ударъ. Кругомъ капитана раздался крикъ ужаса—это рвалась шрапнель. Кто былъ близко—кинулся въ сторону. Черезъ нѣсколько мгновеній взоры обратились къ камню, на которомъ отдыхалъ Лебедевъ. Увы! вмѣсто богатыря на землѣ трепеталъ его залитый кровью, исковерканный трупъ...

Лебедева не стало, какъ не стало и многихъ его богатырей-товарищей, кровью своей напечатлѣвшихъ на прибрежныхъ скалахъ Квантунга дни владычества надъ ними Руси... Миръ ихъ праху! Вѣчно сохранится въ русскихъ сердцахъ ихъ память, пройдутъ годы, смѣнятся поколѣнія, но беззавѣтные герои долга, павшіе за честь своей родины на берегу Тихаго океана, не умрутъ, воскреснувъ и на страницахъ исторіи, и въ легендахъ родного имъ народа.

Смерть богатыря-моряка произвела страшно удручающее впечатлѣніе, но ни горевать, ни думать было некогда. Ушли моряки, унося останки своего командира, и на смѣну имъ явились стрѣлки, съ быстротой занявшіе свои мѣста. Однако, на этотъ день штурмъ, кромѣ Панлуншана, былъ отбитъ всюду, и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ защитники фортовъ могли дышать свободно.

Прежде всего занявшіе возвращенный моряками фортъ стрѣлки принялись очищать внутреннюю площадь отъ труповъ. Этимъ занялась та рота, которою командовалъ капитанъ Кононовъ. Солдаты были угрюмы и истомлены: цѣлая ночь боя истомила ихъ, а тутъ еще приходилось работать и днемъ.

— Гляди, гляди, ребята! —воскликнулъ съ удивленіемъ одинъ изъ стрѣлковъ, — среди японовъ манза затесался!

Нѣсколько солдатъ наклонились надъ лежавшимъ.

— Господи, помилуй! — вдругъ отскочилъ прочь стрѣлокъ Сазоновъ, — да, вѣдь, этотъ китаецъ — нашъ «никчемный»...

— Чимбирновъ? Быть не можетъ! — подбѣжалъ бывшій поодалеку Шевкинъ.

— Чего не можетъ! Будто я не знаю; гляди самъ!

Шевкинъ наклонился.

— Да, вѣдь, и на самомъ дѣлѣ онъ... Вотъ чудо-то!.. Усопъ, что-ли?

— Дышитъ... Гляди, губами шевелитъ... Онъ, братцы, живучъ...

Чимбирновъ былъ весь израненъ. Шашковыя и пулевыя раны изрѣшетили все его тѣло. Вмѣстѣ съ японцами, такъ и не замѣтившими его въ своемъ боевомъ ослѣпленіи, онъ очутился въ фортѣ и здѣсь уже упалъ, обезсилѣвъ отъ огромной потери крови.

— Фельдфебеля, — вырвался у него лепетъ, — скорѣйча... кончаюсь... доложить нужно...

— Фельдфебеля! Гдѣ Иванъ Васильевичъ? — раздался крикъ.

Бобковъ, замѣтившій пріостановку работъ, поспѣшилъ къ столпившимся солдатамъ.

Онъ не успѣлъ даже и слово сказать, какъ Чимбирновъ движеніемъ головы заставилъ его наклониться къ себѣ.

— Дяденька! — лепеталъ онъ, стараясь преодолѣть предсмертную икоту, — отъ японовъ я удралъ... У нихъ былъ... въ плѣну... Генерала нашего убить хотятъ... Подошлютъ людей въ нашей формѣ... Кончаюсь я... Охъ, и пожить не пришлось!.. Генерала берегите, я по-ихнему знаю, разобралъ и доложить явился...

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но захлебнулся хлынувшей черезъ ротъ кровью.

— Дяденька! — сплюнувъ кровь, опять залепеталъ умирав-

*) Подвигъ А. В. Лебедева разсказанъ здѣсь по сообщеніямъ портъ-артурской газеты «Новый Край».

шій, — а я — не измѣнникъ долгу присяги. Я... генерала... берегите, доложьте.... Смередушка моя! Сазонову прикажите молодыхъ солдатъ не бить... Тяжело, обидно... Тамъ въ плѣну наши есть... Доложьте по начальству: въ нашей формѣ японскіе офицеры генерала убивать придутъ..

Со стороны горки послышались бой барабановъ, флейты— это шли въ возвращенный фортъ высланные на подмогу его защитникамъ батальоны. Солдаты шли бодро, съ пѣснями.

«Намъ страженье не въ страженье!» —
заливался запѣвала.
«Между прочимъ, чижало!» —
продолжали десятки грубыхъ голосовъ.

— Чижало!.. — пролепеталъ Чимбирновъ и откинулся, залитый опять хлынувшей кровью.

Все тѣло «никчемнаго» стрѣлка затрепетало; кровь унялась, но широко раскрытые глаза не сомкнулись. Солдаты сняли шапки и закрестились.

Чимбирновъ умеръ.

Спустя немного дней, въ Артурѣ были задержаны японцы, пробиравшіеся въ осажденную крѣпость съ цѣлью убить генерала Стесселя. Покушеніе не удалось—вѣроломные убійцы были во-время задержаны.

КОНЕЦЪ.

ОПИСАНІЕ РИСУНКОВЪ.

Въ ожиданіи звѣря. (Къ рис. на стр. 97.) «Вотъ онъ идетъ прямо, еще немного, и можно будетъ уже стрѣлять... А вдругъ повернетъ назадъ? Что это? Кажется, остановился? Раздумываетъ, нюхаетъ воздухъ»...—такъ думаетъ въ волненіи охотникъ, ожидающій звѣря и видящій уже его близко отъ себя, но еще не подошедшаго настолько, чтобы пуля достала его. Это страстное волненіе охотника, для котораго теперь ничего не существуетъ на свѣтѣ, кромѣ приближающагося звѣря, замѣчательно живо изображено на картинѣ художника Казановскаго, воспроизводимой на нашемъ рисункѣ.

Великій князь и царь московскій Василій III и Максимъ Грекъ въ московской дворцовой библіотекѣ. (Къ рис. на стр. 103.) Время Василія III было началомъ высокаго книжнаго просвѣщенія на московской Руси. Изъ далекихъ странъ Запада стали приходить къ престолу умнаго московскаго царя ученые мужи, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ соотечественникъ матери царя Василія, Софіи Палеологъ, Максимъ Грекъ, устроившій въ московскомъ кремлевскомъ дворцѣ первое въ Россіи книгохранилище. Максимъ Грекъ—ученый Благовѣщенской обители на Аѳонской горѣ, родился въ Албаніи и получилъ образованіе въ университетахъ Парижа, Флоренціи и Венеціи. Въ 1518 г. вызванный великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, онъ пріѣхалъ въ Москву для разбора и исправленія книгъ царской библіотеки, перевелъ на русскій языкъ толковую псалтырь (1520 г.), «Толкованіе на книгу Дѣяній апостольскихъ» (1519 г.), «Толкованіе св. Златоуста на евангелія св Матѳея и Іоанна» (1524 г.). Оклеветанный предъ царемъ, онъ былъ сосланъ въ Волоколамскій монастырь, а оттуда—въ тверской Отрочъ-монастырь и тамъ въ оправданіе свое написалъ «Словеса иноковъ въ темницѣ затворена и скорьбя, имже себя утѣшаше и утверждаше въ терпѣніи» (1532 г.), «Исповѣданіе Вѣры», «Словцо отвѣщательно о книжномъ исправленіи» и много другихъ духовныхъ сочиненій и переводовъ (всего больше ста). Освобожденный въ 1551 г., Максимъ участвовалъ на соборѣ, собранномъ въ Москвѣ для обличенія ереси Матвея Бакшина, и умеръ въ 1556 г. На рисункѣ изображенъ осмотръ царемъ основанной Максимомъ Грекомъ библіотеки.

У храма. (Къ рис. на стр. 105.) Это былъ другой міръ, непонятный, чужой намъ, умершій теперь древній міръ; но чувства у людей и тогда были похожи на наши, и тогда душа человѣка рвалась къ чему-то высшему, искала Бога. Слѣдуетъ-ли строго винить древнихъ людей за то, что они не находили истиннаго Бога и устраивали себѣ вмѣсто Него божества? Изображенная на нашемъ рисункѣ женщина древняго міра молится у храма предъ идолами и приноситъ имъ жертвы. Она, конечно, не знаетъ, что предъ нею идолы, она вѣритъ въ ихъ силу и могущество, и вѣритъ искренне.

Князь Георгій владимірскій съ сыновьями послѣ Липецкой битвы въ станѣ у новгородскаго князя Мстислава (1215 г.). (Къ рис. на стр. 111.) Въ далекую глубь вѣковъ, когда Русь еще не была покорена татарами, но уже стонала отъ междоусобій княжескихъ, переноситъ насъ этотъ рисунокъ. Онъ изображаетъ приходъ великаго князя владимірскаго Георгія съ сыновьями къ ставкѣ своего врага князя Мстислава новгородскаго, прозваннаго Храбрымъ, осадившаго Владиміръ послѣ побѣды на Липецкомъ полѣ въ 1215 году.

Мстиславъ выступилъ только съ немногочисленной ратью и братомъ своимъ Владиміромъ псковскимъ, но, какъ искусный политикъ, заключилъ еще тайный союзъ съ младшимъ братомъ Георгія владимірскаго, Константиномъ, давъ ему слово возвести его на престолъ владимірскій. «Непріятельскія дѣйствія,— передаетъ историкъ,—начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичъ, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ городъ Ржеву, гдѣ находилось лишь 100 воиновъ, но князь новгородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться и взялъ укрѣпленный городъ Зубцовъ. Дружина мстиславова хотѣла прямо идти къ Торжку; но князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переяславлю-Залѣсскому, чтобы удалить театръ войны отъ Новгородской области. Наконецъ, обѣ рати сошлись близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ новгородскомъ; Георгій, Ярославъ и князья муромскіе, дѣйствуя заодно, вооружили самихъ поселянъ и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что князь владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ. Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы новгородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжокъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій не согласился. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтывался съ Константиномъ, обязалъ его торжественными обѣтами вѣрности, и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ».

Битва закончилась страшнымъ разгромомъ противниковъ Мстислава, а затѣмъ произошло то, что изображено на нашемъ рисункѣ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ историкъ:

«Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9.233 человѣка. Въ остервенѣніи своемъ не давая никому пощады, воины мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а смоляне нашли въ георгіевомъ станѣ и договорную грамоту сего князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переяславль и, пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ новгородскихъ купцовъ въ темницѣ; а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ во Владиміръ, гдѣ оставались большею частью одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали скачущаго всадника, они думали, что князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ съ себя одежду княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ.

«Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы и шелъ медленно ко Владиміру. Черезъ два дня окруживъ городъ, сей князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ; воины хотѣли идти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ, но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться и, на третій день пріѣхавъ въ станъ къ новгородскому князю съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру смоленскому: «Вы—побѣдители: располагайте моею жизнью и достояніемъ». Константинъ сдѣлался великимъ княземъ владимірскимъ.

Похороны. (Къ рис. на стр. 113.) Сама природа стонетъ и плачетъ, какъ-бы сочувствуя этимъ малышамъ провожающимъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія свою бѣдную мать. Терзаетъ вѣтеръ рясу старичка-священника, уноситъ куда-то въ сторону погребальную пѣснь псаломщика, заметаетъ метелица убогій гробъ, слѣдующій сзади на старыхъ саняхъ, которыя тащитъ не менѣе старая сивка. Грустная, печальная картина...

Конно-дагестанскій полкъ въ родныхъ горахъ. (Къ рис. на стр. 121.) Объ этомъ славномъ полкѣ, дѣйствующемъ теперь на Дальнемъ Востокѣ и еще недавно заявившемъ себя въ славномъ походѣ отряда генерала Мищенко (см. № 3 газеты «Родина»), много говорилось въ текущую войну. На нашемъ рисункѣ онъ изображенъ въ родныхъ Кавказскихъ горахъ. Съ звуками зурны и барабановъ ѣдутъ дагестанцы по извилистымъ тропинкамъ неприступныхъ горъ, какъ-бы дополняя собою ихъ дикую красоту.

Редакторъ-издатель А. А. Каспари. Редакторъ Ник. А. Каспари.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1905** годъ
НА НОВЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
„ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ“
выходящій ежемѣсячно книгами до 20 печатныхъ листовъ большого формата въ объемѣ толстыхъ журналовъ.

Журналъ дастъ: 1) **ИЗЯЩНУЮ БЕЛЛЕТРИСТИКУ** — романы, повѣсти, разсказы, очерки съ описаніемъ путешествій и приключеній, принадлежащіе перу лучшихъ русскихъ и иностранныхъ авторовъ.—2) **НАУЧНЫЙ ОТДѢЛЪ**, представляющій особый научно-популярный журналъ, — избранныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, могущія служить прекраснымъ подспорьемъ для самообразованія.— Событія текущей жизни также найдутъ въ журналѣ должное освѣщеніе и оцѣнку. — 4) Новости: хроника открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій. 5) Критико-библіографическій отдѣлъ съ указателемъ русской и иностранной литературы. (Книга о книгахъ).—6) Историческіе арабески.—7) Обо всемъ по немногу.—Смѣсь.

Каждый номеръ будетъ богато иллюстрированъ.

Въ первой книжкѣ, между прочими статьями, начнется печатаніемъ: **„ЯПОНІЯ ВЪ НАСТОЯЩУЮ МИНУТУ“.—ПИСЬМА ОБЪ ЯПОНІИ.** *Киплинга.—Т. Рузвельтъ*, през. С.-А. С. Штатовъ **„Его экскурсіи и охоты.—*Пьеръ Лоти*: „Японскія женщины“.**

● Первый № выйдетъ въ свѣтъ *къ 20 Января 1905 г.* Пробный экземпляръ высылается за 8 семикопеечн. марокъ. Редакторъ-издатель *Д-ръ С. И. Манойловъ.*

РЕДАКЦІЯ и КОНТОРА: Москва, Петровка, д. Кабанова.

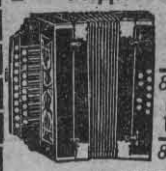
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА *6 руб.* въ годъ съ доставкой и пересылкой.
Допускается разсрочка: при подпискѣ *2 руб.*; 1 марта *2 руб.* и 1 іюля *2 руб.* На мѣсяцъ журналъ высылается за 75 коп.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемірной Выставкѣ въ *Парижѣ 1900 г.*

ПАВЕЛЪ БУРЕ.
поставщикъ Двора Его Величества, С.-Петербургъ, Невск. пр., д. № 22.
Москва, по В. Лубянкѣ, № 8, противъ Кузнецкаго моста.
● БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ собственной фабрики ●
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода.
Новый иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. безпл.

Послѣ долголѣтнихъ опытовъ мнѣ удалось составить совершенно безвредное и вѣрное средство противъ загара, прыщей, веснушекъ, сухихъ и мокрыхъ лишаевъ, шелушенія кожи и прочихъ нечистотъ лица, рукъ и шеи. Большинство кремовъ и помадъ для лица, рукъ и шеи содержатъ цинкъ, бѣлила и пр. вредныя вещества, отъ каковыхъ кожа лица послѣ употребленія дѣлается желтой и ало-старческой. Настоящій же кремъ „Отеро“ дѣлаетъ лицо нѣжнымъ, бѣлымъ и придаетъ ему натурально-юношескую свѣжесть и нѣжность безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій, чѣмъ превосходитъ своимъ качествомъ всѣ до сихъ поръ изобрѣтенныя средства. Банка 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 75 к., 2 банки съ перес. 3 р. Главный складъ для Россіи: С.-Петербургъ, С. Криммеръ, Коренная 30.

ГАРМОНІИ
ВѢНСКІЯ
СЪ МѢДНЫМИ ПЛАНКАМИ
УГЛЫ МѢХА ОБИТЫ МЕТАЛЛОМЪ
2 хъ РЯДНЫЯ, 21 клапанъ.

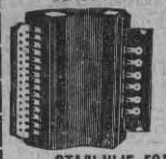


ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 13 р. 15 р.
8 бас. 10 б. 12 б.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
16 р. 20 р. 24 р.
8 б. 10 б. 12 б.
и дороже.
Самоучитель 1 р.

ЛИВЕНСКІЯ
МѢДНЫЕ ГОЛОСА ЖЕЛѢЗНЫЯ ПЛАНКИ
$2^1/_2$ р., 3 р., 4 р. и 5 р.

ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА.
мѣдныя планки
$5^1/_2$, $6^1/_4$, $7^1/_4$, 8, 9 р.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА
мѣдныя планки
$10^1/_2$, $11^1/_4$, $12^1/_2$, 14, 16 р.
Самоучитель 75 к.

РОЯЛЬНЫЯ
съ мѣдными планками
ОДНОРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
11 р. 12 р. $13^1/_2$ р. 15 р.



СТАЛЬНЫЯ ГОЛОСА
17 р. 20 р. 23 р. 28 р.
ДВУХРЯДНЫЯ
ГОЛОСА НОВАГО СЕРЕБРА
20 руб.
СТАЛЬНЫЕ ГОЛОСА 30 РУБ.
по полученіи задатка $^1/_3$ стоимости высылаю съ наложен. платежемъ.

И. А. НОВИКОВЪ,
МОСКВА, СРѢТЕНКА
СКЛАДЪ МУЗЫКАЛ. ИНСТРУМЕНТОВЪ
прейсъ-курантъ безплатно.

КАКАО

ВАНЪ-ГУТЕНА

НЕСТЛЕ
Въ Россіи исключительно въ запаянныхъ жестянкахъ
Въ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.
Дѣтская молочная мука
Сгущенное молоко НЕСТЛЕ.

КАЗЕННЫМЪ УЧРЕЖДЕНІЯМЪ!

Желающимъ ознакомиться съ преимуществами новѣйшихъ пишущихъ машинъ
ИДЕАЛЪ 736
предоставляемъ машины эти на двухнедѣльный срокъ въ
БЕЗПЛАТНОЕ ПОЛЬЗОВАНІЕ
и производимъ обученіе писанія на ней безплатно. Машины „ИДЕАЛЪ“ снабжены всѣми преимуществами и усовершенствованіями лучшихъ въ мірѣ существующихъ пишущихъ машинъ и шрифтъ виденъ во время писанія отъ первой до послѣд. буквы.
Представители: торговый домъ **Э. КИНКМАНЪ и К°**, С.-Петербургъ, Гороховая, 17.

СЕКРЕТЪ КРАСОТЫ
А. СІУ и К°
ГЛИЦЕРО-ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО МОЛОДОСТИ
МОСКВА. *20 коп. кус.*

Сканировал redukoner rutracker.org